ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2002 году Лиззи Джаггер показала своему 59-летнему отцу клип Джастина Тимберлейка *Cry Me a River*, в котором кумир девочек-подростков пел о своей несчастной любви к Бритни Спирс. «Видишь эту сцену, пап? — спросила Лиззи. — Все так и было». Мик Джаггер скептически промычал — он всегда понимал, что правила, применимые к другим звездам, не работают в его случае. «Если бы я о себе написал, о своей жизни, как оно все было, без балды, — ответил он, — люди бы содрогнулись».

Но это вряд ли отпугнуло бы миллионы его поклонников, составляющих уже не одно поколение, для которых понятие «кураж Джаггера» всегда было идеалом

крутости, всего передового, причем не только пятьдесят лет назад, когда Мик впервые вышел на сцену в составе *The Rolling Stones*, но и в наши дни. Сейчас, когда группа перешагнула полувековой рубеж, многие современные исполнители — в их числе *Ke$ha*, Канье Уэст и *Black Eyed Peas* — называют их своими учителями, и самой яркой данью уважения можно считать клип Адама Левайна из группы *Maroon 5* и Кристины Агилеры, *Moves Like Jagger* («Двигается как Джаггер»). Впервые он был показан по каналу *NBC* на реалити-шоу *The Voice* в июне 2011 года и сразу же стал хитом. Видеоряд, в котором кадры поющего долговязого Левайна с татуировками по всему телу и соблазнительной Кристины чередовались с бесподобными фрагментами старых записей Джаггера (настоящей звезды клипа), скачущего по сцене в своей неповторимой манере, оставался ключевым событием музыкальной сцены вплоть до конца года.

Кто он? «Джек-попрыгунчик»? «Уличный боец»? «Полуночный гуляка»? «Мужчина состоятельный и со вкусом»? Оказывается, что и то, и другое, и третье, и множество других личин в придачу. Мик Джаггер оригинален и неповторим, это один из столпов современной культуры. Элегантный, куражистый, порой зловещий, гипнотизирующий… он схватил нас за горло, проник в наше коллективное бессознательное и не отпускает уже более полувека, чего не скажешь о многих других его одаренных ровесниках.

Многие называют его последним титаном рок-музыки, хотя и это определение слишком мало для него. Едва ли кто-то, кроме него, сумел так глубоко впитать в себя музыкальное разнообразие стольких десятилетий — бурных шестидесятых, гедонистических семидесятых, деловых

восьмидесятых, всеядных девяностых и требовательных двухтысячных.

Начиная с поколения бэби-бумеров в Мике причудливым образом преломлялось любое популярное увлечение, любой писк моды, любой тренд, любое направление. Не успели «Битлы» создать образ «приглаженных бунтарей», как на сцену вышли грязные, непричесанные, нахальные и грубые «Роллинги». Студенты выбегали на улицы в знак протеста против войны во Вьетнаме, и Мик предлагал им преисполненные гнева песни.

Никакая другая группа настолько полно не воплотила в своей жизни знаменитый лозунг психоделической эпохи: «Секс, наркотики и рок-н-ролл». А когда все вдруг заинтересовались оккультизмом, Мик не просто постарался изобразить из себя мистика, а надел алый плащ самого Люцифера.

Имея за плечами славу мачо и уличного задиры, Мик внезапно сделался воплощением двуполого красавчика, знающего толк в макияже и помаде и исследующего свою бисексуальность. А затем совершенно безболезненно перешел в эпоху диско, облачившись в атласные комбинезоны, обсыпав себя блестками и выдавая танцевальные хиты в перерывах между вечеринками с кокаином.

Рейгановские восьмидесятые с их лозунгом «Просто скажи нет!» заставили Мика в очередной раз сменить образ. Теперь он был семейным человеком, сурово порицающим наркотики. «На самом деле я ничем таким не занимался», — заявлял он уверенным тоном, как будто предыдущих тридцати лет вовсе не существовало.

И в этом весь Мик, дерзкий, нахальный, не знающий границ. Все, чем он занимался по жизни, как на сцене, так и вне ее, становилось больше, ярче, громче. Будучи

главным исполнителем «Роллингов», он пропел, протанцевал, проскакал и конечно же выдал бездну куража, больше любого исполнителя рок-музыки. В списке самых прибыльных концертных туров за всю историю их проведения концерты *Rolling Stones* заняли первое, третье, четвертое, пятое и девятое места.

Ну и конечно же поражает количество проданных записей — целых 250 миллионов альбомов. В ежегодных чартах группу неизменно признавали величайшей рок-группой всех времен. Само собой разумеется, что Мик автоматически становился рок-вокалистом номер один.

Не подводил Мик жадных до сенсаций журналистов и за пределами сцены, поддерживая образ надменного, эгоистичного сибарита, отрицающего любые нормы, как и положено рок-звезде. Авторы статей смаковали мельчайшие подробности связанных с ним скандалов, обсуждали детали личной жизни; предметом их расследований становились роскошные дома и лимузины, частные самолеты и яхты, наркотики, женщины и иногда мужчины. Но прежде всего женщины.

Попутно Мик использовал знания, полученные в Лондонской школе экономики, чтобы помочь группе заработать миллиарды, благодаря чему все ее члены разбогатели до полного неприличия. В случае с самим Миком речь идет о состоянии в 400 миллионов долларов. Вместе с тем он упорно пытался проникнуть в высшие круги британского общества, и это стремление было вознаграждено, когда его удостоили рыцарского звания.

Несмотря на то что всю свою сознательную жизнь он поет песни, направленные против элиты, его связывает немало общего с английской аристократией, и это лишь один пример тех противоречий, клубок которых представляет собой Джаггер как человек. Школьник

из английского пригорода, впервые выступивший на сцене с американским блюзом; сын преподавателя физкультуры, ставший образцом законченного гедониста; уличный хулиган с утонченными вкусами джентльмена; откровенный бисексуал, обожающий женщин сверх всякой меры; рыцарь королевства, против которого бунтовал целых полвека; легкомысленный повеса, имевший длительные и серьезные отношения с человеком, утверждающим, что совершенно не понимает его, — Китом Ричардсом.

Сейчас, когда группа отметила пятидесятилетний юбилей, о Мике Джаггере говорят чаще, чем о любом другом человеке на планете, — о нем пишут книги, обсуждают его похождения и высказывания, а его личная жизнь становится предметом домыслов. Однако он продолжает оставаться загадкой, как это свойственно всем гениальным личностям.

В конце концов, в этом весь он — неповторимый сгусток энергии, образец стихийной природной силы, харизматическая личность, обреченная на успех, не важно, в составе «Роллингов» или без них, — вот уже полвека он удивляет, восхищает и очаровывает нас. Скандалы, драмы, деньги, музыка, слава, наркотики, секс и гениальность — все это и многое другое слилось в одной личности, чье имя стало символом целой эпохи. Это Мик Джаггер.

«Я из лучшего, что есть в Англии.
Я и еще королева».

Мик

Позвольте представиться,
Я мужчина состоятельный и со вкусом…

Sympathy for the Devil

«Пронырливый сукин сын, мать его,
в этом ему не откажешь».

Кит Ричардс

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«ПУСТЬ ЗАСУНУТ ЭТОТ ТИТУЛ СЕБЕ В ЗАДНИЦУ»

Букингемский дворец
Пятница, 12 декабря 2003 года

Принц Чарльз одернул рукава своей адмиральской формы, прокашлялся и пробежался глазами по списку гостей. Он искал среди них одно имя.

— Ага, — сказал он, остановив указательный палец примерно на середине листа. — Сэр Майкл Джаггер. Значит, на этот раз он будет.

— Да, сэр, — отозвался лорд-гофмейстер, отвечавший за то, чтобы церемония проходила строго по плану. — Даже представить себе не могу, что он не придет.

До сих пор Мик слишком демонстративно пренебрегал посвящением в рыцари. Он откладывал дату раз десять

и в последний раз отказался, когда кроме него должны были посвящать Джонни «Уилко» Уилкинсона, знаменитого регбиста, обеспечившего Англии первое место на Кубке мира. Очевидно, шестидесятилетнему Мику не хотелось делить внимание публики с двадцатичетырехлетним спортсменом.

— Да, в это непросто поверить, — сказал принц Уэльский, покачав головой. — Мик Джаггер — рыцарь. Невероятно.

Затем, повернувшись к старшему церемониймейстеру, добавил:

— Моя мать решила поберечь свои нервы.

В том, что Чарльз замещал королеву на такой церемонии, ничего необычного не было. Такое иногда случалось, когда она болела или не могла присутствовать в силу иных обстоятельств. Но в данном случае она удивила не только сына, но и распорядителей, выбрав именно этот день для небольшой операции на своем левом колене, которую доктор советовал ей уже на протяжении года. Всего лишь пару дней назад, принимая в Букингемском дворце Уилкинсона и других членов сборной, да еще после устроенного в честь победы парада в центральном Лондоне, она казалась совершенно здоровой.

«Когда королева увидела в списке Мика Джаггера, она решила провести этот день в другом месте, — позже делился своими наблюдениями старший придворный. — Ничто в мире не заставило бы ее присутствовать на этом мероприятии».

Королева долго противилась попыткам премьер-министра Тони Блэра включить Джаггера в число людей искусства, ученых, дипломатов, артистов, академиков, государственных служащих, спортсменов и бизнесменов, которых дважды в год награждают за выдающиеся

заслуги членством в Превосходнейшем ордене Британской империи. Большинство удостаивается более скромных званий кавалера, офицера или командора ордена; каждый год их набирается около двух с половиной тысяч, и хотя для награждения формально требуется согласие монарха, редко кто из них удостаивается личного внимания королевы.

Но титул рыцаря — другое дело. Это вторая после пэрства наивысшая награда, которую имеет право пожаловать королева, поэтому ко всем кандидатам на титул «рыцаря» или «дамы» она относится с особенным вниманием. И все же, после того как правительство составило список, королева лишь в исключительных случаях высказывает сомнения, пусть даже в частной беседе.

Как раз таким исключением стал Мик Джаггер. Тони Блэр, по собственному признанию, большой фанат рока и любитель поиграть на воображаемой гитаре, предложил сделать Джаггера рыцарем в 1997 году, едва лишь став премьер-министром. Впервые он встретился со своим кумиром на званом обеде у лорда Мандельсона, еще будучи молодым членом парламента. «Тони набрался храбрости и подошел к Мику, — вспоминал Мандельсон. — Глядя тому прямо в глаза, он произнес: „Я всегда хотел сказать, как много вы для меня значили“. При этом у него на лице застыло подобострастное выражение. Я даже думал, что он вот-вот попросит у него автограф».

К сожалению Блэра, его предложение вызвало решительный отпор со стороны королевы. Целых пять лет Блэр упорно включал имя Джаггера в список кандидатов на рыцарский титул, и каждый раз королева заявляла, что он «недостоин».

И дело тут было отнюдь не в его профессии. Королева не возражала против других звезд рок- и поп-музыки —

вспомнить хотя бы посвящение в рыцари Пола Маккартни и Элтона Джона. Но Джаггер — случай особый. В отличие от большинства кандидатов, несмотря на свое немалое состояние, он редко занимался благотворительностью, да и патриотичностью тоже не отличался. Если другие британские звезды оставались в Англии и в обмен на такую привилегию платили непомерные налоги, то Джаггер, желая избежать лишних расходов, еще в начале 1970-х официально поселился за границей.

Главное же было в том, что королева испытывала личную неприязнь к Джаггеру и ко всему, что он олицетворял начиная с 1960-х годов. Как никто другой, Мик был воплощением бесшабашного образа жизни той эпохи: секс, наркотики, эгоистичная погоня за удовольствиями. Его ранний имидж — всклокоченные волосы, неопрятная одежда, хмурый вид, грубость — был намеренным вызовом социальному порядку, во главе которого она стояла.

Что касается личной жизни, то Мик произвел на свет семь детей от четырех разных женщин, но все прекрасно знали, что это лишь крошечная вершина огромного сексуального айсберга. Что до наркотиков, то он неоднократно подвергался арестам, был дважды судим и один раз ненадолго оказался за решеткой. Какое-то время казалось даже, что он серьезно «встал на темную сторону», когда исполнил песню *Sympathy for the Devil* («Симпатия к дьяволу») и нанял банду мотоциклистов «Ангелы ада» для охраны печально известного рок-фестиваля в Алтамонте в Калифорнии, который закончился поножовщиной и жестоким убийством.

Мик на протяжении многих лет регулярно высмеивал королевскую семью, а саму королеву называл не иначе как «главная ведьма Англии». Неоднократно он выступал с призывами к революции. Однажды без всякой иронии

или сарказма он заявил, что «анархия — это единственный проблеск надежды. Такого понятия, как частная собственность, вообще не должно существовать».

Помимо всего этого ужасного позерства, королеву, очевидно, раздражали вещи и более личного плана. Ее всегда волновала слишком близкая и потенциально взрывоопасная связь Джаггера с ее покойной сестрой, принцессой Маргарет, известной своим вольным нравом. Раз за разом королеве приходилось вмешиваться, чтобы замять очередной скандал, в который оказывались вовлечены Джаггер и принцесса Маргарет — в частности, если бы их участие в одной сексуально-наркотической вечеринке в свое время стало достоянием гласности, то это угрожало бы, по крайней мере, отставкой правительства, если не дискредитацией самого института монархии.

Королеве было неприятно и то, что Мик, несмотря на внешнюю позу бунтаря, в глубине души питал весьма честолюбивые мечты. «Мик всегда хотел стать одним из них, — признавался давний друг Джаггера и автор биографических статей Кит Олтхэм. — Он с самого начала мечтал попасть в аристократы. Какой там рыцарь? Принц, не меньше!»

Так что Мик в глазах королевы представал двуличным негодяем, пытавшимся подняться по социальной лестнице, играя на слабостях ее сестры. «Королева очень любила свою сестру и переживала за нее. Джаггер был другом принцессы Маргарет более сорока лет, и все это время королева считала, что он оказывает на нее разлагающее влияние».

Неудивительно, что утром того самого дня, когда Мик должен был удостоиться титула, королева без лишней шумихи отправилась в больницу Короля Эдуарда VII.

Операция по удалению коленного хряща прошла успешно, но доктора решили также удалить некоторые образования на королевском лице, в результате чего остались шрамы в области левого глаза и на носу. Когда через два дня королева вышла из больницы, опираясь на трость, наблюдатели были шокированы ее видом. «Казалось, что королева как-то сразу превратилась в хрупкую, ранимую старушку», — писал журналист из газеты *Daily Mail.*

Саму королеву, впрочем, это мало волновало. Одному из врачей она заявила: «Я скорее останусь здесь, чем отправлюсь в Букингемский дворец на это посвящение».

Вот так и получилось, что участвовать в церемонии пришлось принцу Чарльзу. Несколькими годами ранее, на одном из концертов, проводимых его благотворительным фондом, принц в разговоре с Джаггером удивился, что тот ни разу не попадал в список награждаемых. Но позже Чарльз признался помощнику, что не имел в виду рыцарский титул — «разве что командора».

К рок-музыканту у принца Чарльза имелись свои претензии. Горячей поклонницей *Rolling Stones* и Мика Джаггера в частности была принцесса Диана. В 1981 году, вскоре после свадьбы, Диана, тогда всего лишь двадцатилетняя девушка, захотела пригласить Джаггера на чаепитие в Кенсингтонский дворец. Несмотря на то что сам принц был влюблен в Камиллу Паркер, в нем взыграла ревность. Он прекрасно знал о сомнительной репутации ловеласа и поспешил отменить приглашение. Последовала ссора, и в качестве компромисса Диана согласилась принять в Кенсингтонском дворце другого рок-музыканта, которым оказался менее угрожающий Фил Коллинз, в то время состоявший в браке, преждевременно облысевший и далеко не в лучшей форме.

Почти так же сильно, как и репутация Джаггера, принца Чарльза раздражало демонстративное пренебрежение правилами приличия. На одном из званых обедов благотворительного фонда, который проходил в Виндзорском замке в июне 1991 года, Мика сфотографировали пожимающим руку принцу Чарльзу, притом что другую свою руку он держал в кармане — вопиющее нарушение придворного этикета. На следующий день газеты вышли с кричащими заголовками «Невиданное оскорбление королевского семейства». Принц с королевой всегда остро реагировали на подобные случаи, тем более что фотографии появились в газетах по всему миру. «Чарльза это рассердило не на шутку, — однажды сказала Диана про тот инцидент. — Это одна из глупостей, о которых они никогда не забывают».

Единственный человек, мнение которого хоть что-нибудь значило для Мика, никогда не скрывал своего презрительного отношения ко всей этой мишуре. За два года до церемонии Джаггер позвонил Киту Ричардсу, чтобы сообщить потрясающую, по его мнению, новость.

— Кит, послушай, что скажу. Тони Блэр настаивает, чтобы я принял рыцарский титул.

— Да ладно тебе, — неодобрительно отозвался Ричардс. — Херня какая-то! Рыцарский титул. На хрена он тебе? Это как-то не по-нашему.

— Ну, Пол — рыцарь, и Элтон тоже, — неуверенно сказал Мик. — От таких вещей ведь не отказываются?

Последовала пауза. Незадолго до этого Мик присутствовал на церемонии открытия Центра Мика Джаггера в Дартфордской грамматической школе, в той самой подготовительной школе, где в конце 1950-х он получал нагоняи за длинные волосы и узкие джинсы. Неужели старый приятель Кита так сильно изменился? Неужели за

сорок лет борец с системой превратился в респектабельного буржуа?

— Отказаться можно от чего угодно, старина, — ответил Кит скептически. — Скажи им, пусть засунут этот титул себе в задницу.

Черный «Бентли» проследовал по Бёрдкейдж-Уок, свернул на Бакингем-Гейт, а потом, миновав ворота, подъехал ко Входу послов. Лакей поспешил открыть дверь автомобиля, но худощавый мужчина со знакомым лицом вышел с другой стороны и, не говоря ни слова, взбежал по покрытым красным ковром ступеням.

Оказавшись внутри, он прошел к подковообразной Большой лестнице, откуда его провели в зал ожидания. Прохаживаясь вдоль стен, Мик рассматривал картины Рембрандта, Вермеера, Ван Дейка и Рубенса. Здесь же стояли его коллеги-кандидаты, некоторые в своих национальных одеждах: шотландцы в килтах, буддисты в шафрановых одеяниях, женщины в ярких сари. Иногда виднелись военная форма или сюртук для утренних визитов, но больше всего было строгих костюмов. Многие женщины также были в строгих костюмах или коктейльных платьях, и почти у всех на голове красовался классический атрибут британской моды — шляпка.

Слуги, должно быть, вздохнули с облегчением, увидев, как Джаггер снял свой кожаный плащ и красный кашемировый шарф длиной почти в два метра. Под верхней одеждой оказались полосатый пиджак с кожаными отворотами, а также галстук. Выбор обуви, впрочем, не радовал: кроссовки *Adidas* стоимостью 55 долларов.

Сама церемония посвящения должна была проходить в бело-золотом бальном зале, построенном при королеве Виктории в 1854 году, самом просторном во всем дворце.

Несколько сотен гостей — каждый из сотни награждаемых имел право пригласить трех человек — расселись с программками в руках, взволнованно ожидая, когда же объявят имена их знакомых или близких. Мик пригласил своего отца Джо, которому на тот момент исполнилось девяносто два года, и двух дочерей: тридцатитрехлетнюю Карис и девятнадцатилетнюю Элизабет. «Прийти хотелось всем, но больше трех не разрешили, — сказал Мик. — Я выбрал их в порядке старшинства и доступности».

Ровно в одиннадцать оркестр на балконе заиграл, и по центральному проходу торжественно промаршировали пять солдат королевской гвардии, сформированной в 1485 году королем Генрихом VII, известные всему миру «бифитеры».

Затем вошел принц Чарльз в сопровождении двух дежурных офицеров-гуркхов, согласно традиции, заложенной королевой Викторией в 1876 году. Пока оркестр играл «Боже, храни королеву!», Чарльз стоял по стойке смирно между двумя тронами на помосте, под бархатным дурбарским балдахином, под которым в 1911 году король Георг V был объявлен императором Индии.

— Прошу вас, садитесь! — обратился Чарльз к собравшимся и остался стоять в ожидании, когда лорд-гофмейстер объявит имя первого почетного гостя. Рядом с принцем стоял шталмейстер, в обязанности которого входило шепотом сообщать монаршей особе сведения об очередном награждаемом.

Мик нетерпеливо переминался с ноги на ногу в зале ожидания, жуя жвачку и позвякивая мелочью в карманах. Когда один из королевских «привратников-джентльменов» — в данном случае контр-адмирал Королевского флота — сообщил Мику, что он должен присоединиться к следующей группе из десяти человек,

Мик быстро избавился от жвачки и встал позади священника и пожилого мужчины, которого награждали за вклад в овцеводство. Из нескольких десятков мужчин и женщин рыцарский титул в тот день Мик получал один.

— Сэр Майкл Филипп Джаггер, за вклад в популярную музыку! — торжественно провозгласил Мастер двора Ее королевского величества вице-адмирал Том Блэкберн.

Джаггер вышел вперед, улыбаясь, и шталмейстер протянул принцу меч, принадлежавший отцу королевы, королю Георгу VI, в бытность его герцогом Йоркским и полковником шотландских гвардейцев. Другой лакей поставил у дорожки традиционный табурет, обитый красно-золотистым бархатом. Мик поклонился Чарльзу, сделал шаг вперед и, взявшись правой рукой за деревянный поручень табурета, встал на колено и склонил голову.

— Посвящаю тебя в рыцари, сэр Майкл Джаггер, — сказал Чарльз, слегка коснувшись мечом сначала левого плеча Мика, затем правого. После этого Мик встал, а принц передал меч помощнику. Тем временем другой помощник подал принцу бархатную подушку, на которой лежала медаль, символизирующая новый титул Мика. Чарльз приколол ее на лацкан Джаггеру. После краткого рукопожатия и обмена любезностями Мик снова поклонился и сделал пять больших шагов назад, прежде чем повернуться и уйти.

— Я ну прямо озверел, когда услышал, — говорил Ричардс, все еще кипя от ярости. — Мне казалось, это бред — брать какую-то побрякушку из рук тех, кто когда-то бросал нас за решетку, кто хотел нас уничтожить. «Роллинги» совсем не про это, или я не прав? Я бы никогда не стал стоять на сцене с каким-то чуваком в коро-

не на башке и с дохлым горностаем на плечах. Так и сказал Мику: „Я охреневаю — какая честь!“

Кит добавил, что Мик, наверное, расстраивается, ведь его посвятил в рыцари принц Чарльз, а не королева.

— Наверное, теперь он не столько «сэр», сколько «хер».

Старая подружка Мика, Марианна Фейтфул, которую однажды он спас от попытки самоубийства, была более снисходительной.

— Мик ужасный сноб, — сказала она о посвящении в рыцари. — Он всегда этого хотел. Так что я даже рада за него.

Когда Мик вышел из дворца в сопровождении гордых отца и дочерей, его обступила толпа журналистов. «Каково это, получить награду из рук истеблишмента, против которого вы так долго выступали?» — интересовались они.

— Мне кажется, того истеблишмента, каким мы его знали, больше не существует, — отвечал Мик.

И он добавил:

— Приятно, когда тебе оказывают честь, если только не воспринимать это слишком серьезно. Эти награды нужно носить легко, не напрягаясь, не раздуваясь от собственной важности.

Когда ему сообщили о негодовании Кита Ричардса, на лице Мика отразилось заметное раздражение.

— Прямо как капризный ребенок, которому не досталось мороженое. Дали одному — и хотят все. Ничего необычного. Я думаю, он и сам был бы не прочь удостоиться такой чести.

Потом он сказал:

— Кит любит поднять шум… Он не особо счастливый человек.

Ричардс же вовсе не питал иллюзий по поводу рыцарства. «Они прекрасно знают, куда я предложу им это

засунуть, — говорил он о членах королевской фамилии. — Я бы их к себе и с острой палкой не подпустил, не то что с мечом».

Джаггер пребывал в прекрасном состоянии духа, испортить которое не мог никто, даже Кит.

— Думаю, люди будут называть меня «сэр Мик», — произнес он мечтательно, а затем задумался и добавил: — Но «сэр Майкл» тоже звучит неплохо…

Из своего коннектикутского поместья Ричардс позвонил Чарли Уоттсу, ударнику «Роллингов».

— Что за дерьмо? — только и спросил он.

— Ну ты же знаешь, он всегда хотел стать рыцарем, — ответил Уоттс, в свою очередь недоумевая, что Кит, похоже, не знал о заветном желании своего закадычного друга.

— Нет, нет, — пробормотал Кит задумчиво, вспоминая Мика, с которым вырос и которого, как ему казалось, понимает лучше всякого другого человека. — Я не знал, не знал…